

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/55/13

Н. Е. Никонова, Ю. С. Серягина

Томский государственный университет

**Т. Герцль и М. Нордау
в зеркале сибирской периодики рубежа XIX–XX веков:
критика, переводы, театральные рецензии**

Россию и Германию с давних времен объединяли достаточно тесные культурные связи, которые коснулись и сибирского региона. На страницах сибирской периодики рубежа XIX–XX вв. появляются многочисленные статьи, подражания и переводы немецких писателей. Работа посвящена рецепции произведений немецких писателей Макса Нордау и Теодора Герцля в сибирских периодических изданиях рубежа XIX–XX вв., а также анализу критических статей и театральных рецензий, затрагивающих их творчество. Рассматриваются также переводческие стратегии сибирских авторов и мотивы выбора произведений для публикации в литературных рубриках.

Ключевые слова: Нордау, Герцль, рецепция, сибирская периодика, перевод, критика, театральная рецензия.

Имена Теодора Герцля (1860–1904) и Макса Нордау (1849–1932) воспринимаются сегодня неразрывно связанными друг с другом благодаря определяющей

* Статья подготовлена при поддержке Научного фонда им. Д. И. Менделеева НИ ТГУ № 81.31.2015 «Разработка концепции электронной энциклопедии «Словесная культура Сибири»».

Никонова Наталья Егоровна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии Томского государственного университета (ул. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; nikonat2002@yandex.ru)

Серягина Юлия Сергеевна – аспирант кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета (ул. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; seriagina@gmail.com)

роли их тандема в формировании и реализации идеи еврейского государства. Столетие тому назад идеология сионизма не могла восприниматься как нечто однозначное и воплотимое, фигуры Герцля и Нордау служили скорее индикатором в имагологической парадигме культурного сознания реципиента их творчества. Одним из таких воплощений является и интересующее нас региональное культурное сознание сибирских авторов, переживавшее в 1880–1910-е гг. особенно продуктивный период на пути своего формирования, ход и процесс которого был значительно изменен в результате установления интернациональной диктатуры.

Материал для постановки вопроса об особенностях рецептивных стратегий субэтнической парадигмы представляют дореволюционные литературные периодические издания Сибири «Сибирский вестник», «Сибирское слово», «Сибирская жизнь», «Сибирская газета», «Сибирский листок», «Сибирские отголоски» и др., на страницах которых находятся оригинальные художественные, публицистические и критические высказывания местных авторов рубежа веков о современной им западной словесной культуре и ее представителях.

Восприятие трудов Герцля и Нордау представлено во всех основных рубриках и включает в себя в каждом из случаев переводы малой прозы, информационно-критические обзоры и отзывы на театральные постановки их пьес. При этом сионистские, научно-философские, драматургические и литературные опыты этих двух авторов на страницах сибирской периодики находят главным образом одобрение.

Наиболее самостоятельными являются переводческая и театральная рецепция: на томских и тобольских сценах начала прошлого века были поставлены пьесы «Новое гетто» («Das Neue Ghetto», 1894) Герцля, а также его «Доктор Кон» («Doktor Kohn», 1899, в русском сценическом переводе «Два мира») и «Право любить» Нордау («Das Recht zu lieben», 1892). Первое в сибирской прессе сообщение о Герцле появляется 20 октября 1900 г. в «Сибирском вестнике». В рубрике «Театр и музыка» анонсируется премьерная постановка в томском театре спектакля «Новое гетто». Сионистская пьеса получает положительную оценку; критикуется антисемитизм и акцентируется непреходящее значение самопожертвования евреев: *...под «Новым Гетто» разумеется то отчуждение, в коем пребывают евреи до сих пор, когда стены старого гетто давным-давно пали. Разве не Гетто – черта еврейской оседлости, воспреещение доступа евреям к некоторым профессиям, строгое соблюдение процентного отношения в приеме их в учебные заведения и т. д.* (Сибирский вестник, 1900, № 231, с. 2). Рецензент подчеркивает идею Герцля о необходимости разрушения евреями своих *внутренних преград* и отмечает, что пьеса рассматривает *очень жгучий вопрос, разрабатываемый автором к тому же литературно, живо и без нетерпимости в ту или другую сторону* (Там же). Постановка пьесы под названием «В Новом гетто» в Тобольске освещается «Сибирским листком» в феврале 1901 г. Автор отзыва пересказывает сюжет и отмечает, что главный герой *погибает с сознанием исполненного им долга, за права своего народа, а пьеса производит, благодаря своему направлению, приятное впечатление, хотя многое в ней остается недосказанным. Однако в общем пьеса прошла хорошо, а бенефициант свою, хотя и небольшую, но очень благодарную роль (Вассерштейна) провел превосходно* (Сибирский листок, 1901, № 11, с. 2).

Не менее благожелательную характеристику получает и драматургия Нордау, посвященная еврейской теме. Успех на сибирской сцене имела сионистская драма «Два мира» («Доктор Кон»). Рецензия на ее повторную постановку появляется в «Сибирском вестнике» в рубрике «Театр и музыка»: *...третьего дня в театре Королева была поставлена во второй раз драма Макса Нордау «Два мира», по-*

священная еврейскому вопросу. Насколько верно или неверно освещает этот вопрос автор драмы – должна решить специальная критика, наше же дело только констатировать, что пьеса сценична, богата драматическими положениями и сначала до конца смотрится с не ослабевающим интересом. Исполнена драма была с успехом (Сибирский вестник, 1901, № 241, с. 3). В 1902 г. одобрительный анонс постановки драмы находим уже в тобольском «Сибирском листке»: Ставится в первый раз интересная драма известного писателя Маркса Нордау «Два мира» (Сибирский листок, 1902, № 25, с. 2). В то же время единичный неодобрительный отзыв находится в «Сибирском вестнике» в 1900 г. в рубрике «Театр и музыка» на драму М. Нордау «Право любить», которая, по мнению рецензента, далеко не упрочивает за известным философом и публицистом известности драматурга (Сибирский вестник, 1900, № 268, с. 3), поскольку выше «права любить» автор ставит долг, семью, честь. Все это может быть и так, – замечает рецензент, – только драма-то построена довольно шаблонно и даже неверно. <...> Кончается она тем, что замужняя женщина, полюбившая другого, готова каяться в своем увлечении. Избранник ее оказался более способным на ни к чему не обязывающие интрижки, чем на серьезное чувство. Ну, а если бы на месте его был более достойный человек? (Там же). Словом, сибирский рецензент не приветствует категоричности и консервативности Нордау в отношении патриархальных нравов и представлений о женщине и ее правах.

Именно женская тема и вопрос о взаимоотношениях полов становятся центральными в томских переводах прозы Нордау, публикация которых предваряла театральные постановки его новых пьес. Выбор переводчиков пал на один из ранних циклов, созданных в досионистский период, когда Нордау – приверженец идей Ницше, практикующий и философствующий психотерапевт – посредством литературных экзерсисов пытался представить читателю научное освещение темы, в частности, в своем сборнике «Анализ душ» («Seelen-Analysen», 1892). Два из трех опубликованных в «Сибирском вестнике» рассказы взяты из его раздела «Как женщины любят» («Wie Frauen lieben»), посвященного исследованию видов женской любви.

Первый перевод появился в «Сибирском вестнике» в 1894 г. (№ 147): в рубрике «Фельетон» вышел рассказ М. Нордау «Как любят женщины», в котором возникает фигура легкомысленной Елены, не способной понять любви двух верных ей на протяжении всей жизни мужчин. Следующий рассказ «Как они любят» был напечатан спустя два года в том же «Сибирском вестнике» (1896, № 279). На этот раз в центре сюжета оказывается иной тип женской природы, не пустозвонство и легкомыслие дамы, а безответственность и предательство мужчины по отношению к наивно любящей его Паулине. Можно заметить между переводами 1894 и 1896 гг. очевидную полемику, два выбранных сибиряками сюжета в оригинале имеют названия «Так» и «Иначе» («So» и «Anders»), зеркально отражают друг друга и в совокупности объективно представляют мнение философа и психотерапевта Нордау о типологии женского чувства, что подтверждается контекстом публикаций. В том же 1896 г., незадолго до выхода рассказа о верной Паулине, в «Сибирском вестнике» была опубликована заметка «Современная Ева», автор которой вполне определенно охарактеризовал представление Нордау о женщине: *Наша цивилизация породила один интересный женский тип, который заслуживает особенного внимания психолога, – это, именно, тип так называемой «дамы». Великий женоненавистник Шопенгауэр недаром обрушивался с громами красноречия на этот вид женщин и приходил в ужас от «дам». Не с меньшей суровостью осудил их и Макс Нордау. Но ядовитые стрелы этих двух писателей не причинили новой Еве никакого вреда, а скорее послужили ей даже в пользу. Ряды защитников ее значительно пополнились, а литература воскурила пред ней*

еще более густой фимиам. И гордая, бесстыдная кукла с птичьим мозгом, с извращенными чувствами взобралась еще выше на пьедестал (Сибирский вестник, 1896, № 271, с. 2).

Наконец, в 1897 г. в газете «Томский листок» (№ 201) в рубрике «Фельетон» выходит рассказ Нордау «Без счастья». Снова в центре оказывается женская судьба, теперь уже в интерпретации мужчины-доктора, пытающегося посредством психоанализа реконструировать сущность «внутреннего человека», стоя над трупом молодой красивой женщины. То, что и ее жизнь оказывается бессмысленной по своей сущности, также является репрезентативным высказыванием для скептика и революционера Нордау, обратившегося в сионисты лишь с середины 1890-х гг. Именно этот его скандально известный всему миру образ непримиримого новатора, рассматривающего человека в своих рассказах с позиции гендерных психопатологий, отобразился в сибирских переводах. Однако угол этого отражения оказался значительно удален от адекватного: категоричность и деструктивная риторика Нордау, отрицание современности и пессимизм в отношении свежих веяний обратился в устах сибиряков и пространстве сибирской литературной периодики в увещевание мудреца, попытку призыва к вечным ценностям.

Что касается переводческих стратегий томских авторов, то в них заметны характерные приемы: исключения фрагментов текста обусловлены, во-первых, стремлением избежать излишней информационной нагрузки на читателя, связанной со страноведческими познаниями, в частности с исключением реалий.

К примеру, в рассказе «Как любят женщины» опускается упоминание того, через какие города проходил маршрут Фриза на свадьбу сестры: *um auf dem Wege nach Mannheim von Havre* (Nordau, 1903, S. 238). Отсутствует также название улицы, на которой находился отель, в котором жил Вильгельм: *nach seiner angenehmen Junggesellen-Wohnung in der Rue Notre Dame de Lorette* (Ibid.). Переводчик исключает из текста отрывок с упоминанием названия улицы, где находился отель, и разговор о том, что тех мест уже нет:

«...Wie hieß die Straße doch?»

«**Rue St. Dominique**».

«Richtig. Ich hätte Lust, dahin zu wallfahren, das alte Hotel wiederzusehen».

«Unmöglich. Das Hotel ist niedergerissen. Die Straße ist verschwunden. Dort läuft jetzt der prächtige **Boulevard St. Germain**». (Ibid., S. 243).

Со спецификой передачи более глубоких культурологических познаний связано исключение в том же переводе размышлений героя об интимности воспоминаний, которые подтверждаются строфой из стихотворения Теодора Шторма *Wer je geliebt in Liebesarmen*, очевидно не находившегося в горизонте фоновых знаний адресата перевода, сибиряка.

Во-вторых, исключение из текста некоторых, иногда достаточно объемных фрагментов обусловлено, вероятно, стремлением более компактно разместить рассказ на страницах издания, динамизировать сюжет. Отсутствие некоторых частей текста сказывается на дальнейшем повествовании. Так, к примеру, переводчик опускает момент разговора друзей о замужестве Елены и приданом, которое получил муж от ее отца:

«...Dann kam ein Brief, in welchem sie mir erzählte, sie werde sich mit einem Weinhändler verheiraten, der sich an ihrer Vergangenheit nicht stoße, da ihr Vater ein Opfer gebracht habe».

«Pfui Teufel!»

«Du hast doch vorhin selbst gesagt, ich hätte sie dauernd an mein Leben knüpfen sollen».

«Ja, aus Liebe, nicht um eine Mitgift. Auch hattest du ihr weniger zu verzeihen als der Weinhändler».

«*Was willst du – die Moral der sogenannten praktischer Leute*» (Nordau, 1903, S. 247).

В сибирском варианте перевода данный отрывок выглядит следующим образом:

– *Ах, черт возьми!*

– *Чего же ты хочешь, это нравственные убеждения так называемых практических людей* (Сибирский вестник, 1894, № 147, с. 3).

Из-за отсутствия фрагмента о приданом, восклицание *Ах, черт возьми!* и предложение о ценностях меняют семантическую окраску и идею отрывка в целом. В оригинале восклицание Сигмунда было вызвано упоминанием приданого, эту тему развивает дальнейший разговор о том, что Вильгельму надо было оставаться с Еленой только по любви, а не из-за подарков отца. В переводе же фраза о морали относится к прощению мужем Елены ее прошлого.

Изменения в сибирских переводах, хотя и значительны с точки зрения современной практики художественного перевода, но в целом не искажают восприятия рассказа и основной мысли повествования. Перевод рассказа «Как они любят» обладает в основном теми же чертами, хотя выполнен другим переводчиком, подписавшимся инициалами *П. Л.* В целом, несмотря на сокращение текстов, сибирским переводчиком удалось передать художественный замысел автора и сделать произведения максимально понятными и удобочитаемыми для адресата.

То же можно сказать и о методе перевода произведений малой прозы Т. Герцля, которые вышли в «Сибирской жизни» в 1905 г. с подписью в виде криптонима «Е. К.». Три сочинения из цикла «Философские рассказы» публикуются в Томске после смерти писателя. Книга «*Philosophische Erzählungen*» вышла в 1900 г. в Берлине. Сборник состоял из семнадцати текстов, написанных с 1887 по 1900 г. Каждый из них представлял историю в жанре еврейской юмористической басни с четко сформулированной, неожиданной назидательной сентенцией. Тон повествования в каждой такой истории организует философский, в расхожем смысле, взгляд на жизнь, скепсис по отношению к происходящему и по отношению к человеку, часто приобретенный благодаря жестокости окружающего мира. Первый русский перевод сборника, подписанный криптонимами «Е. М. и А. К.», вышел в типографии А. Е. Ландау Санкт-Петербурга в 1901 г., то есть несколькими годами раньше томского. Выбранные же местным переводчиком рассказы значительно отличаются от большинства острых в плане выражения горького скептического или циничного, юмористического настроения историй. В газете публикуются переводы трех рассказов: «*Der Sohn*» («Сын») (Сибирская жизнь, 1905, № 213), «*Die Garderobe*» («За кулисами») (Там же, № 229) и «*Die Raure*» («Гусеница») (Там же, № 245).

Действие рассказа «Сын» происходит в зале суда. Отца обвиняют в том, что он жил не по средствам. Унаследовав дело и состояние, герой тратил большие суммы денег, отстроил роскошный дом. Вложив значительный капитал в угольные копи, который не окупился, он оказался в непростом финансовом положении. Чтобы не брать в долг, он взял деньги с депозита, рассчитывая погасить его после продажи векселей, однако его должник разорился. Герой в результате пришел к мысли о самоубийстве, чтобы не оставлять долгов семье, но сын остановил его, и он предстал перед судом. Описание хода судебного процесса и искренняя речь подсудимого-отца составляют две противоположные линии повествования в рассказе.

Главный персонаж презрительно относится к театру суда, его вдохновляет только прощение сына. Так он передает впечатления от речи собственного адвоката:

Gänzliche Stille muss eingetreten sein, damit keines seiner kostbaren Worte unter den Tisch falle. Namentlich für den Anfang hat er einige delikate Spitzen, reizende Säckelchen für Feinschmecker – die gröberen und darum der Wirkung sicheren werden weise für den Schluss gespart: allerhand Sentimentalitäten, gerichtshöfische Lyrik, der Griff nach der Tränendrüse. Eine Reklame, wie dieser Prozess, kommt nicht bald wieder. (Дословно: ‘Полная тишина должна настать, чтобы ни одного его драгоценного слова не осталось без внимания. Именно для начала у него есть несколько деликатных острых, прельщающих тонкостей для гурманов – грубых, поэтому и мудро их действие, конечно, отложить для завершения: разные сентиментальности, лирика придворных блюд, попытка вызвать ручьи слез. Реклама, как этот процесс, повторится не скоро’) (Herzl, 2015, S. 62).

Выделенная нами часть абзаца отсутствует в переводе, таким образом пропадает сарказм, присущий Герцлю. В оригинале отец откровенно презрительно относится к происходящему в суде, его вдохновляет только прощение сына. В переводе этот скепсис намеренно сглаживается за счет исключения некоторых особенно саркастичных моментов. Пропадает надтекстовая антитеза: несчастные судьбы (отца, совершившего ошибку и не нашедшего ее решения, и сына, который, спасая отца от смерти, вынуждает того предстать перед судом) и участники судебного процесса, слепо следующие сценарию и закону. Внутренняя рефлексия отца превращается в раскаяние человека, совершившего преступление и смиренно принимающего наказание; т. е. актуальная для региона арестантская тематика реализуется в лучших традициях русской литературы.

В рассказе Теодора Герцля «За кулисами» посредством описания жизни главной героини, пожилой актрисы Фрау Кэте, показаны скрытые от посторонних глаз стороны закулисы. В разговоре с доктором она рассказывает, как открылась ее гениальная актерская игра и способность быстро переодеваться в гримерной. В молодости она гастролировала по провинции с маленькой драматической труппой, была некрасива и часто смущалась на сцене. Однажды, переодеваясь в гримерной, она обнаружила, что за ней подсматривают несколько мужчин и директор труппы на этом зарабатывает. Умение быстро одеваться пришло от знания того, что из-за перегородки подглядывают. Актриса больше не смущалась взглядов, так как ей стало безразлично, наблюдают ли за ней лишь несколько мужчин или весь город.

Данный рассказ Т. Герцля переведен с минимальными отклонениями от оригинала, пропущены лишь незначительные моменты, в которых можно рассмотреть адаптивную стратегию переводчика, стремящегося избежать острых ироничных обобщений Т. Герцля.

В томских переводах можно заметить несколько случаев буквализма, что выдает не столько отсутствие мастерства переводчика, сколько оригинальность их замыслов. Например, в том же рассказе:

Dabei hatte er ein rosiges, lächelndes Gesicht, von blonden Locken umwallt, der echte Künstlerkopf (Ibid., S. 83).

В тоже время у него было розовое, улыбающееся лицо, обрамленное русыми кудрями – голова художника (Сибирская жизнь, 1905, № 229, с. 4).

Действие третьего перевода из Герцля, рассказа «Гусеница», происходит в Италии, на берегу моря. Фриц приезжает повидаться с Кларой и ее мужем Максом, с которыми знаком со школьных лет. Клара, говоря о парижской жизни Фрица, сравнивает его с бабочкой, которая порхает с одного цветка на другой, и просит рассказать о своем самом замечательном приключении. Фриц в этот момент берет книгу и наталкивается на высказывание о гусенице, которая превращается в бабочку и испытывает при этом колоссальное потрясение. Фриц вспоминает, как любил Клару, но она ему призналась, что любит другого, и попросила быть

посредником их переписки. Поэтому Фриц рассказывает Кларе, что его замечательное приключение случилось, когда он пережил метаморфозу, подобно гусенице: был юным и неопытным, любил и был счастлив, а когда повзрослел и стал красивым, то его полюбили, но это не приносит счастья.

Сюжет этого рассказа строится на противопоставлении, как и предыдущие истории Герцля, выбранные сибиряками, на парадоксе, противоположности нарративных линий, что в целом маркирует их как сочинения в духе романтизма, или, точнее, бидермайера. В особенности это утверждение актуально для последнего из проанализированных рассказов, опирающегося на диалектику традиционных для романтизма концептов бабочки и гусеницы (куколки).

Для выбранных томичами-переводчиками произведений Т. Герцля характерен более позитивный, жизнеутверждающий пафос, чем для других философских рассказов его сборника. Кроме того, они тематически близки, интересны и понятны местным читателям. Арестантская тема, проблема преступления и наказания, покаяние и ответственность перед родными – в «Сыне». Театральный колорит закулисья в одноименном переводе, а также характерный для русской классики почти чеховский фон дворянской беседы и элегический сюжет юношеских разочарований в «Гусенице».

Таким образом, в мотивах выбора репертуара и оценки постановок Герцля и Нордау, а также в стратегии отбора и перевода их рассказов прочитывается особая парадигма субэтнического культурного сознания сибиряков. В целом можно говорить об избирательном отношении к наследию мировой литературы, связанным с идеей ретроспективного развития, с аксиологическим рецептивным подходом.

Такое убеждение подтверждается на материале критической рецепции, в которой Герцль предстает благородным мечтателем, а эпатирующий публицист Нордау – великим философом и стражем традиционных ценностей, хранителем устоев цивилизации и культуры. Последний оказывается наиболее масштабно представленным на страницах сибирской периодики.

Впервые имя Макса Нордау появляется в 1893 г., когда автор заметки из рубрики «Литературная беседа» сообщил о самой популярной идее автора, продолжившего изыскания своего учителя: *В наше время масса явлений общественной жизни находит себе с легкой руки Ламброзо объяснение в физическом, нравственном вырождении. Несомненные симптомы такого вырождения известный Маркс Нордау видит в новых литературных школах символизма, декадентства, мистицизма* (Сибирский вестник, 1893, № 30, с. 1). Вслед за этим «Томский справочный листок» (с 1897 г. «Сибирская жизнь») в 1894 г. в разделе «Библиография» печатает отзыв об одноименной книге Нордау «Вырождение» («Entartung»). Однако в заметке, вероятно, по вине наборщика оказалось ошибочно переданным заглавие нашумевшего труда. В результате в местной газете появилась статья, в которой это название обрело противоположный смысл: *Возрождение (Entartung) Макса Нордау. Перевод с немецкого, под редакцией и с предисловием Р. И. Сементовского. Издание Ф. Павленкова. СПб. 1894 г.* Рецензент представлял читателю фигуру Нордау (*Имя Нордау в литературе известно. Некоторые его книги, переведенные на русский язык, как, например, «В поисках за истиной», доходили даже до третьего издания*) и подчеркивал, что книгу стоит рассматривать как *ученое исследование, от которого требуется полный подбор фактов и строгие доказательства, а автора – как публициста, который не столько разрешает, сколько ставит вопросы, который относится к ним с односторонностью заинтересованного человека, который высказывает свои сожаления, негодует, насмехается* (Томский справочный листок, 1894, № 4, с. 4). По мнению томского рецензента, сочинение Нордау *представляет много поучительного для русских*

читателей, между прочим, потому, что касается многих нынешних явлений европейской литературы, которые, большей частью у нас очень малоизвестны: это – явления абскурантные или такие, которые он считает прямо психопатическими (Там же). Вскоре читатель получил возможность самостоятельно познакомиться с книгами Нордау. Среди объявлений «Томского листка» находится информация о том, что в книжном магазине В. И. Макушина в Томске получены новые книги: Нордау. *Вырождение*. СПб. 94 г. (Томский листок, 1895, № 148, с. 1); а также Нордау. *В поисках за истиной*. Изд. 3. СПб. 92 г. (Там же, № 147, с. 1).

Революционные для своего времени взгляды Нордау на литературу, преступность и человеческую психику получают более глубокое освещение в сибирских публикациях начала XX в.: в «Сибирском вестнике» в 1902 г. выходят две статьи: «Нордау о русских писателях и о себе» и «Нордау о преступности». В первой из них анализируется интервью с М. Нордау, поразившим корреспондента одной из центральных отечественных газет осведомленностью в русской литературе и общественной жизни. *М. Нордау заявил, что он большой поклонник русских, – пишет автор в томской заметке, – это, собственно, и побудило его читать лекции в русской высшей школе социальных знаний, хотя до сих пор он уклонялся от летних приглашений читать лекции в других парижских высших школах. Я бы очень охотно приехал в Россию, тем более, что вынес о ней самое светлое воспоминание из моего первого путешествия по России. Это было ровно двадцать восемь лет тому назад... и вынес самое светлое воспоминание о моей поездке в Россию, и я без всяких тревог мог приехать в Россию. Я был и теперь с большой охотой поехал в Россию, которая всегда живо интересовала меня* (Сибирский вестник, 1902, № 170, с. 2). Непримируемый Нордау в публикации очеловечивается, оказывается, что он «любит Россию», хотя и не приемлет философии многих ее классиков, в частности Л. Толстого.

Во второй статье анализируется полемика между Нордау и его учителем Ломброзо по поводу преступности как сущностной человеческой склонности, а также по поводу основных положений уголовно-антропологической доктрины. Очевидно, тема преступления и наказания воспринималась в Сибири очень остро из-за социо-культурной специфики региона, поэтому спор о преступнике занимал читателей и корреспондентов. По сообщению сибирского издания, Нордау утверждает, что преступник – не атеист, как полагает его учитель Ламброзо, и не дикий зверь, не пережиток прошлого, а *паразит, и, как таковой, продукт, сравнительно, новейшего времени, при этом преступник может не носить на себе никакой бросающейся в глаза печати; мало того, в нем можно даже видеть представителя передовой расы, если обращать внимание на ту или иную функцию его организма, взятую в отдельности. Тем не менее, он – паразит и, как паразит, всегда – *tipus habens* по сравнению с автомобилями, с нормальными людьми, всегда отмечен известным нравственным недочетом* (Там же, № 262, с. 2). Удивительно, – заключает местный журналист, – что за *Максом Нордау, отрицающим религиозно-духовное отношение к преступнику, остается последнее слово. Очередь за Ломброзо* (Там же). Однако сама позиция Нордау при этом никак не осуждается.

Итак, сибирскому читателю идеи Нордау о современном вырождении западной литературы и искусства, о преступности и женском вопросе, были донесены в полной мере, но с несколько измененной модальностью. Если европейские современники автора воспринимали и оценивали его провокации во многом как риторический ход, то во многом наивное субэтническое сознание сибиряка принимало эти выступления как истинно задающие ход истории и современной

философии, с радостью отыскивая в антимодернистском настрое изречений Нордау созвучия формирующейся местной словесной культуре и мысли.

Рецептивная стратегия сибирских публикаций согласуется с восприятием сочинений Нордау в центральной печати, однако в то же время является самостоятельной. Суждения местных авторов отличаются меньшим эмфатическим зарядом, большей беспристрастностью, отсутствием стремления к сенсационности или провокации, сглаженным пафосом. Так, предисловие Р. И. Сементковского к изданию русского перевода «Вырождения» 1894 г. объясняло достижение Нордау, нерелективно подходящего к художественным текстам, тем, что *он верит в будущее, построенное на забываемых, но не забытых еще идеалах знания и свободы. В этом – громадное значение его книги, появляющейся именно в такой момент, когда философы с громкой известностью и руководители общества, вторя людям, теряющим мужество при временных неудачах, ополчаются против науки, против энергического дела, направленного к созданию лучших условий, против борьбы и рекомендуют нам пассивность, возврат к невежеству, отвращение к жизни, самоуничтожение...* (Нордау, 1894, с. 9). В сравнении с этими комментариями известного писателя и биографа суждения сибирских авторов видятся более объективными, сдержанными и лишенными ярко выраженной пиетистской окраски.

Однако популярность Нордау-публициста в России заслонила его масштабную деятельность по еврейскому вопросу, которая в сибирской прессе практически не освещалась, «сионистским вождем» провозглашался исключительно Т. Герцль. Появившиеся 22 января 1905 г., спустя полгода после его смерти, некролог и известия об издании литературного наследия, прокомментированные томским журналистом, представили его как видного мыслителя современности. Был выбран некролог, написанный В. Г. Короленко и опубликованный в «Южных записках», потому что, по мнению рецензента, *из всех некрологов Т. Герцля некролог Короленко едва ли не самый теплый и задушевный и верно схватывающий облик «благородного мечтателя».* Сионизм предстал в заметке *психологией благородной мечты о будущем на почве социального консерватизма, а Герцль – наиболее ярким, искренним и цельным ее представителем,* романтической фигурой, *сошедшей со сцены в ореол мечты, незапятнанной и чистой* (Сибирский вестник, 1905, № 17, с. 3). При этом в воплощении этой мечте политического сионизма автором перепечатки было практически отказано.

В следующей за некрологом заметке о неопубликованных произведениях Герцля подчеркивается приоритет его эгодокументов перед литературными и сионистскими текстами: *Друзьями Т. Герцля в настоящее время уже приведено в известность все, что осталось после смерти талантливого писателя и общественного деятеля. Все литературное наследство может быть разделено на две группы: общие литературные произведения и сионистские. <...> Но самым ценным из всего оставшегося после Герцля следует считать его дневник, в котором заключается не только вся история сионистской деятельности его, но и характеристики выдающихся личностей* (Там же).

Итак, восприятие фигур и творчества идеологов сионизма, каковыми сегодня в первую очередь видятся Т. Герцль и М. Нордау, в сибирском культурно-историческом контексте дореволюционного времени имело вполне самостоятельный характер и обнаруживало тенденцию к романтизации, эмпатическую установку, стремление увидеть и оценить положительно ретроградное настроение, убеждение в опасности декаданса и эпохи *fin de siècle* в целом, игнорирование иронических настроений прозы еврейских авторов и вместе с тем сочувствие идеалам национального возрождения и национального самосознания.

Пространство литературной периодики Сибири 1880–1910-х гг., во-первых, представляет материал, перспективный для изучения геоэтики русской переводной литературы, а также для рассмотрения взаимодействия и взаимовосприятия Сибири и Запада в пространстве словесности. Во-вторых, открывает широкое поле для имагологического исследования формирования регионального самосознания, представления о «своем» и «чужом», наличествующего в художественных, публицистических и критических высказываниях сибиряков об иностранной культуре.

Список источников

- Библиография // Томский справочный листок. 1894. № 4. С. 4.
[Герцль Т. В новом гетто] // Сибирский вестник. 1900. № 231. С. 2.
Герцль Т. В новом гетто // Сибирский листок. 1901. № 11. С. 2.
Герцль Т. Сын: Пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1905. № 213. С. 2.
Герцль Т. За кулисами: Пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1905. № 229. С. 2.
Герцль Т. Гусеница: Пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1905. № 245. С. 2.
Городская хроника // Сибирский листок. 1902. № 25. С. 2.
Литературная беседа // Сибирский вестник. 1893. № 30. С. 1.
М. Нордау о преступности // Сибирский вестник. 1902. № 262. С. 2.
М. Нордау о русских писателях и о себе // Сибирский вестник. 1902. № 170. С. 2.
Нордау М. Вырождение (Entartung) / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Р. И. Сементковского // СПб.: Изд. Ф. Павленков, 1894.
Нордау М. Как любят женщины // Сибирский вестник. 1894. № 147. С. 2–3.
Нордау М. Как они любят // Сибирский вестник. 1896. № 279. С. 1–2.
Нордау М. Без счастья // Томский листок. 1897. № 201. С. 3.
[Нордау М. Право любить] [Рецензия] // Сибирский вестник. 1900. № 268. С. 2.
Объявления // Томский листок. 1895. № 147. С. 1.
Объявления // Томский листок. 1895. № 148. С. 1.
П. Ч. Современная Ева // Сибирский вестник. 1896. № 271. С. 2.
Т. Гецль [некролог] // Сибирский вестник. 1905. № 17. С. 3.
Ө. Два мира [Рецензия] // Сибирская жизнь. 1901. № 241. С. 3.
Herzl T. Philosophische Erzählungen. Vollständige Neuauflage. Berlin: Hrsg. von Karl-Maria Guth, 2015.
Nordau M. Seelenanalysen. Berlin: Schall, 1903.

N. E. Nikonova, Yu. S. Seryagina

**Th. Herzl and M. Nordau in Siberian periodicals at the turn of XIX–XX centuries:
criticism, translations and theater reviews**

Russia and Germany have had quite close cultural relations for a long time which are also represented in the Siberian region. Numerous articles, imitations and translations of German writers appear in Siberian periodicals of XIX–XX centuries. The article is devoted to the reception of works of German writers Max Nordau and Theodor Herzl in the Siberian periodicals at the turn of XIX–XX centuries. The article provides an analysis of critical essays and theatre reviews on the works of these authors. Translation strategies of Siberian authors and their motives of selecting the works for publication (in literary categories) are also considered.

Keywords: Nordau, Herzl, Siberian periodicals, reception, translation, criticism, theater reviews.

DOI 10.17223/18137083/55/13